

И-484в.е.

2784/8р.

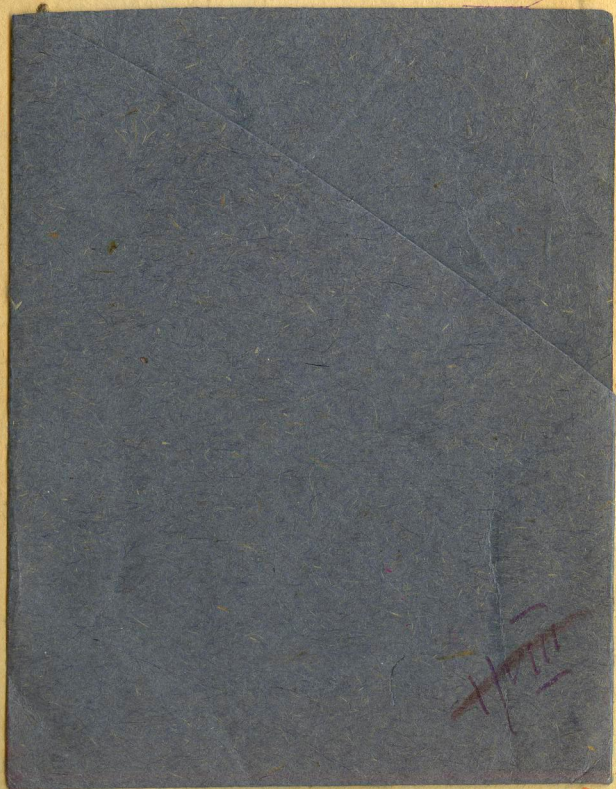
V.N. Karazin Kharkiv National University

00554386

7

~~XXXX~~

12/11

5/11

Ильин, И. и. Петров, Е.в.

Всесоюзная египтология.

М. ["Иралида"].

Тип. им. Сталина
1945.

И-484-в.с.

2784/ор.

ЛЕНТАЙ

РОВНО в девять часов утра небольшая комната сектора планирования наполнилась сотрудниками. Прогрел железный футляр, который сняли с «ундервуда» и поставили на подоконник, захлопали ящики письменных столов, и рабочий день начался.

Последним явился Яков Иванович Дубинин.

— Салют! — сказал он жизнерадостно. — Здравствуй-те, Фёдор Николаевич, здравствуйте, Людмила Филипповна. Остальным — общий привет.

Но, повернувшись к своему столу и увидев на нём большую кучу деловых папок, он сразу увял.

Некоторое время он сидел, тупо глядя на бумаги, потом встребенул и развернул «Правду».

— Ого! — сказал он минут через десять. — Немцы-то, а? Сектор безмолвствовал.

Дубинин, конечно, понимал, что надо бы заняться планированием, но какая-то неодолимая сила заставила его перевернуть страницу и углубиться в чтение большой медицинской статьи.

— Товарищи! — внезапно воскликнул он, высоко поднимая брови. — Вы только смотрите, что делается! Вы читали сегодняшнюю «Правду»?

Трудолюбивые сотрудники подняли на него затуманен-

ные глаза, а Людмила Филипповна на минуту даже перестала печатать.

— Можно будет рожать без боли! Здорово, а?

Он так взволновался, как будто бы сам неоднократно рожал и испытывал при этом ужасные страдания.

Машинка снова застучала, а Яков Иванович принялся читать дальше. Он добросовестно прочитывал всё по порядку, не пропуская ни одного столбца и бормоча:

— А сев ничего! Сеют, сеют, засевают. Что-то в этом году в грязь не сеют? А может, сеют, но не пишут? Ну-с, пойдём дальше. Ого! Опять хулиганы! Я бы с ними не стеснялся, честное слово! Профессор Пикар приехал в Варшаву... Я бы лично никогда не полетел в стратосферу. Хоть вы меня озолотите!.. Ну-с, в Большом театре сегодня «Садко», билеты со штампом «Град Китеж» действительны на двадцать вострое... Дальше что? Концерт Беаты Малкии... Вечер сатиры и юмора при участии лучших сил... Партоколлегия вызывает в комнату № 598 товарища Никитина... Так, так... Телефоны редакции... Уполномоченный Главлита 22624...

Дубинин озабоченно посмотрел на часы: было всего только одиннадцать.

— Да, а «Известия» где?— деловито закричал он.— Дайте мне «Известия»! Фёдор Николаевич, где «Известия»? Вечно эта проклятая курьерша куда-то их засовывает.

— Сегодня «Известий» нет,— сухо ответил Фёдор Николаевич.

— Как нет?

— После выходного «Известий» никогда не бывает.

Яков Иванович даже изменился в лице, когда понял, что читать больше нечего. В тоске он захрустел пальцами и четверть часа сидел, не будучи в силах пошевелиться. Потом собрался с духом и стал изготавливать картонный пе-

реплётйк для своего паспорта. Он долго и старательно что-то резал, клеил и, высунув язык, выводил надпись. «Я. И. Дубинин».

К часу дня грандиозный труд был закончен. Приближалась роковая минута, когда придётся всё-таки заняться планированием. Яков Иванович отвернулся от письменного стола презрительно, как кот, которому пьяный шутник суёт в нос дымящуюся папиросу. Он даже фыркнул от отвращения.

За окном шумели голые весенние ветки.

— Сегодня солнечно, но ветрено, — сообщил Яков Иванович, набиваясь на разговор.

— Не мешайте работать, — ответила Людмила Филипповна.

— Я, кажется, всем здесь мешаю, — обидчиво сказал Дубинин. — Что же, я могу уйти.

И он ушёл в уборную, где сидел сорок минут, думая о нетоварищеском, нечутком отношении к нему сотрудников сектора планирования, о профессоре Пикаре и о том, что билеты на «Град Китеж» действительно на двадцать восемь.

«Вот чорт, — думал он, — ходят же люди по театрам! Времени у них сколько уродно, вот они и шлются!»

В свой сектор Дубинин вернулся томный, обиженный.

— К вам посетитель приходил,— сказала Людмила Филипповна.— Относительно запланирования стеклянной тары. Он ждёт в коридоре.

— Знаю без вас,— сурово сказал Яков Иванович.— Сейчас я с ним всё вырешу. Уж, извините за выражение, человеку в уборную сходить нельзя.

Но в эту минуту его позвали к начальнику.

— Слушайте, товарищ Дубинин,— сердито сказал начальник.— Оказывается, вы сегодня опять опоздали на десять минут к началу служебных занятий. Это что ж получается? Не планирование, а флаширование. Вы понимаете, что такое десять минут, украденные у государства? Я вынужден объявить вам выговор в приказе. Я вас не задерживаю больше, товарищ Дубинин. Можете идти.

«Не задерживаю,— горько думал Яков Иванович, медленно идя по коридору.— «Флаширование». Скажите, пожалуйста, какой юморист! Тут работаешь, как зверь, а он... бюрократ паршивый! Городовой в пиджаке!»

— Нет, я этого так не оставлю!— кричал он в отделе, заглушая шум машинки.— Да, я опоздал на десять минут. Действительно, на десять минут я опоздал. Ну и что? Разве это даёт ему право обращаться со мной, как со скотом? «Я вас не задерживаю!..» Ещё бы он меня задержал, нахал! «Можете идти!» Что это за тон? Да, и пойду! И буду жаловаться!

Он хватал сотрудников за руки, садился на их столы и беспрерывно курил. Потом сел на своё место и принялся сочинять объяснительную записку.

«Объяснительная записка» — вывел он посредине листа.

Он сбежал в соседний сектор, принёс оттуда красных чернил и провёл под фиолетовым заглавием красную красивую черту.

— Товарищ Дубинин,— сказал тихий Фёдор Николае-

вич,— готовы у вас плановые наметки по Южному заводу?

— Не мешайте работать!— заревел Яков Иванович.— Человека оскорбили, втоптали в грязь! Что ж, ему уже и оправдаться нельзя, у него уже отнимают последнее право, право апелляции?

Фёдор Николаевич испуганно нагнул голову и притаился за своим столом.

— Я им покажу!— ворчал Дубинин, приступая к созданию объяснительной записки.

«25-го сего месяца я был вызван в кабинет товарища Пытлясинского, где подвергся неслыханному...»

Он писал с громадным жаром, разбрызгивая чернила по столу. Он указывал на свои заслуги в области планирования. Да, именно планирования, а не фланирования.

«...Конечно, острить может всякий, но обратимся к непреложным фактам. Инкриминируемое мне опоздание на десять минут, вызванное трамвайной пробкой на площади имени Свердлова...»

— Пришёл товарищ Дубинин?— раздался голос.— Я, собственно говоря, поджидаю его уже два часа.

— Что?— сказал Дубинин, обратив к посетителю страдающий взгляд.

— Я, товарищ, по поводу стеклянной тары.

— Вы что, слепой?— сказал Яков Иванович гнетущим шопотком.— Не видите, что человек занят? Я пишу важнейшую докладную записку, а вы прётесь со своей стеклянной тарой. Нет у людей совести и чувства меры, нет, честное слово, нет!

Он отвернулся от посетителя и продолжал писать:

«...Десятиминутное опоздание, вызванное, как я уже докладывал, образовавшейся на площади имени Свердлова пробкой, не могло по существу явиться сколько-нибудь

уважительной причиной для хулиганского выступления тов. Пытлясинского и иже с ним...»

В половине пятого Дубинин поднялся из-за стола.

— Так и есть, — сказал он. — Полчаса лишних просидел в этом проклятом, высасывающем всю кровь учреждении. Работаете, как дикий зверь, и никто тебе спасибо не скажет.

Объяснительную записку он решил дописать и окончательно отредактировать на другой день.

НА КУПОРОСНОМ ФРОНТЕ

В КВАРТИРЕ разгром. Вся мебель сдвинута на середину комнаты и покрыта газетами. Полы заляпаны извёсткой. Спотыкаясь о помятые ведра с купоросом, бродит растерянный хозяин. Дети перепачканы краской и безумно галдят.

— Что случилось?— спрашивает гость.

— Что случилось?— замогильным голосом говорит хозяин.— Случилось то, что мы гибнем! Погибаем! Всё кончено!

Но, видимо, ещё не всё кончено. Дыхание жизни ещё хлопочет в груди страдальца. Он неожиданно подымает иссохшие руки к пятнистому потолку и страстно декламирует:

— О, зачем, зачем я решился на этот ужасный шаг! А так было хорошо, такая развёртывалась нормальная семейная жизнь! Помнишь, Лена, ещё недавно, каких-нибудь две недели назад... Мы пили чай по вечерам. Я отдыхал в этом кресле. Наши милые чистенькие дети беспечно резвились в коридоре. А теперь...

— Что же всё-таки произошло?

— Маляры!— говорит хозяин, обводя комнату блуждающим взглядом.

При этом слове жена начинает плакать, из коридора де-

носятся грохот и сейчас же вслед за ним — радостный вой юного поколения: упала стремянка.

— Видишь, — сквозь слёзы говорит жена, — надо было нанять того тихого старичка, который красил двери у Кирсановых. Он бы в два дня всё сделал!

— Тихого старичка? — взвизгивает хозяин. — Этого са-
диста?

Тут начинается такая перепалка, что гость живо откладываетеся и уходит. Ему уже ясно, в чём дело.

Произошло то, что происходит всегда с теми оригиналами, которые решают произвести в квартире небольшой, выражаясь официально, текущий ремонт.

Где таятся маляры, где их искать, к кому обращаться? Ничего неизвестно! В таких случаях расспрашивают знакомых или просто подстерегают маляров на улице. Если повезёт, то уже на третий — четвёртый день хорошо организованной слежки (желательно разослать в разные концы города всех членов семьи) удастся встретить мрачную фигуру с кистью и ведром и при помощи посуды и грубоватой лесты затащить её к себе.

Фигура неторопливо и значительно оглядывает объект работы и после долгого кряхтения заявляет:

— Что ж, купоросить надо. Без купоросу никак нельзя. Купорос, он действие оказывает. Кругом себя оправдывает. Тут, значит, если не прокупоросишь, колеру правильного не будет. А можно и не купоросить.

— Так как же всё-таки лучше? — подобострастно спрашивает наниматель. — С купоросом или без купороса?

— Ваше дело, хозяйское. Одни любят с купоросом, другие — без купороса.

— Тогда на всякий случай прокупоросьте. А вот эту комнату я хотел бы выкрасить в жёлтый цвет, знаете, такой весёлый, канареечный, солнечный.

— Кроном, значит? — степенно говорит маляр. — Это

можно. Возьмём, значит, кроном и покрасим. Кроном, значит, вот как возьмём и как есть покрасим. Кроном. Отделаем уж, как полагается, хозяин.

Другую комнату договариваются выкрасить в светлоселёный цвет. При этом маляр произносит непонятную речь о каком-то стронции, который тоже своё действие оказывает и кругом себя оправдывает.

Переговоры длятся часа два. Бесконечно повторяется одно и то же. Маляр, задрав голову, подолгу смотрит на потолок, будто ждёт, что оттуда пойдёт дождь, цокает языком и сокрушённо взмахивает руками.

— Ну, кажется, всё, — нервно говорит хозяин. — Во сколько же это обойдётся?

И тут начинается Художественный театр. Маляр закатывает получасовую качаловскую паузу. У хозяина начинает щемить сердце.

— Что ж, сделаем, как следует. Значит, с твоим купоросом?

— Как — с моим купоросом? Где же я вам возьму купорос?

— Этого мы, маляры, не знаем.

И всё начинается сначала. Маляр опять бродит из комнаты в комнату, вздыхает, мекает, хмыкает, чешется. В конце концов выясняется, что он всё может достать — и проклятый купорос, и крон, и белила, и даже загадочный стронций.

Но вот он называет цену. Триста рублей. Цена ни с чем несообразная, неестественная, глупая, обидная. Идёт длительный базарный, азиатский торг. Попутно выясняется, что маляр может работать только по вечерам.

Хозяин соглашается на всё. По вечерам — так по вечерам, двести пятьдесят — так двести пятьдесят. Только бы поскорее. Надоели грязные стены, трещины, моль, вся эта чертовщина.

Ночью семья работает: стаскивают в одно место мебель, снимают со стен картинки и портреты предков, связывают вещи в узлы. Завтра должен явиться маляр ровно в шесть часов вечера.

Но его нет ни в шесть, ни в семь, ни в десять. Он не приходит. В эту ночь семья спит на узлах.

Зато на другой день маляр появляется вовремя и приводит с собой ещё трёх мастеров — двух стариков и мальчика. Мальчик, как и остальные, в забрызганных мелом сапогах и громадном ватном пиджаке (спинжаке). Он тоже хмыкает, мекает и неясно выражается насчёт благотворного действия купороса.

Весь этот трудовой коллектив снимает пиджаки и рассаживается на перевёрнутых ящиках и ведрах посреди комнаты. Мастера пьют чай и поглядывают на потолок. Потом потихоньку и стройно начинают петь:

«Эх, вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!»

Степная удаль и тоска слышатся в этой странной, разбойничьей песне. И сразу начинает казаться, что нет никакого Днепрогэса, что ничего не произошло, что нет ни метро, ни авиации, ни замечательных колхозов, что в квартире разыгрывается какая-то сплошная хованщина, восемнадцатый век, а может быть, даже шестнадцатый.

Напившись чаю и напевшись вдосталь, мастера надевают пиджаки, снова их снимают и снова надевают. После этого они берут у хозяина двадцать пять рублей на приобретение крона и уходят. А мальчик остаётся купоросить. При этом он сразу же разбивает стекло книжного шкафа и прожигает каким-то неизвестным веществом малиновое сукно на письменном столе.

— Ты что, с ума сошёл? — кричит хозяин.

— Купорос, он колеру не любит, — бормочет ужасное дитя. — Он своё действие оказывает, осадку даёт.

— Это бред! — говорит хозяин.

И он прав, начинается бред.

В разрушенную квартиру маляры больше не возвращаются. Очевидно, они удовлетворены полученным задатком.

Три дня несчастная семья на что-то надеялась. Потом знакомые рекомендуют некоего Вавилыча, кристального старика.

Кристальный старик приходит, с хватающей за душу медлительностью осматривает комнаты и берётся сделать работу со своей олифой и кроном — всё за двенадцать рублей. Тут же выясняется, что почтенный старец смертельно пьян и за свои слова отвечать не может. Его с трудом выводят.

Проще всего было бы расставить мебель по местам и жить, как жили. Но этого сделать уже нельзя. И стены и потолки вымазаны какой-то дрянью.

Приводят ещё одного мастера. Он тоже детально договаривается обо всём, входит во все мелочи, но в конце разговора присовокупляет, что начать работу сможет только через месяц, так как уезжает в деревню на праздники.

И зачем он, собственно, приходил и потерял целый вечер на разговоры и чесание подмышек, непонятно. На кухне рыдает хозяйка.

— Неправильно сделали, — говорят бессердечные знакомые. — Вот когда те трое с мальчиком приходили, надо было их запереть и не выпускать из квартиры, пока не кончат работы.

— Если бы я знал! — вопит страдалец. — Ах, если бы я знал!

Уж я бы их!..

Его утешают. Ему рассказывают интересные истории о печниках, о плотниках, о водопроводчиках, о перевозчиках мебели, о всей этой касте подпольных полукустарей, полуспекулянтов с топорами, клещами и малярной кистью.

И стиль их работы, и способы их найма, и все их разговоры полностью сохранились со времён боярской Руси.

ШИРОКИЙ РАЗМАХ

ЗА ГРОМАДНЫМ письменным столом, на дубовых боках которого были вырезаны бекасы и виноградные гроздья, сидел глава учреждения Семён Семёнович. Перед ним стоял завхоз в кавалерийских галифе с жёлтыми леями. Завхозы почему-то любят облекать свои гражданские тела в полувойенные одежды, как будто бы деятельность их заключается не в мирном пересчитывании электрических лампочек и прибавлении медных инвентарных номеров к шкафам и стульям, а в непрерывной джигитовке и рубке лозы.

— Значит, так, товарищ Кошачий, — с увлечением говорил Семён Семёнович, — возьмите сёмги, а ещё лучше лососины, ну там, ветчины, колбасы, сыру, каких-нибудь консервов подороже.

— Шпроты?

— Вот вы всегда так, товарищ Кошачий. Шпроты! Может, ещё кабачки фаршированные или свинобобы? Резинокомбинат на своём последнем банкете выставил консервы из налимьей печёнки, а вы — шпроты! Не шпроты, а крабы! Пишите. Двадцать коробок крабов.

Завхоз хотел было возразить и даже открыл рот, но ничего не сказал и принялся записывать.

— Крабы,— повторил Семён Семёнович.— И пять кило зернистой икры.

— Не много ли? В прошлый раз три кило брали и вполне хватило.

— По-вашему, хватило, а по-моему, не хватило. Я следил.

— Сорок рублей кило,— грустно молвил завхоз.

— Ну и что же из этого вытекает?

— Вытекает, что икра станет нам двести рублей.

— Я давно вам хотел сказать, что у вас, товарищ Кошачий, нет размаха. Банкет, так банкет. Закуска, горячее, даже два горячих, пломбир, фрукты.

— Зачем же такой масштаб?— пробормотал Кошачий.— Конечно, я не спорю, мы выполнили месячную программу. И очень хорошо. Можно поставить чаю, пива, бутербродов с красной икрой. Чем плохо? И кроме того на прошлой неделе был банкет по поводу пятидесятилетия управделами.

— Я всё-таки вас не понимаю, товарищ Кошачий. Извините, но вы какой-то болезненно скупой человек. Что у нас: бакалейная лавочка? Что мы: частники?

Завхоз потупился, сражённый аргументами.

— И потом,— продолжал Семён Семёнович,— купите вы, наконец, приличный сервиз, а то вы подаёте уже чорт знает на чём. Какие-то разнокалиберные тарелки, рюмки разных размеров. В последний раз вино пили из чашек. Понимаете, что это такое?

— Понимаю.

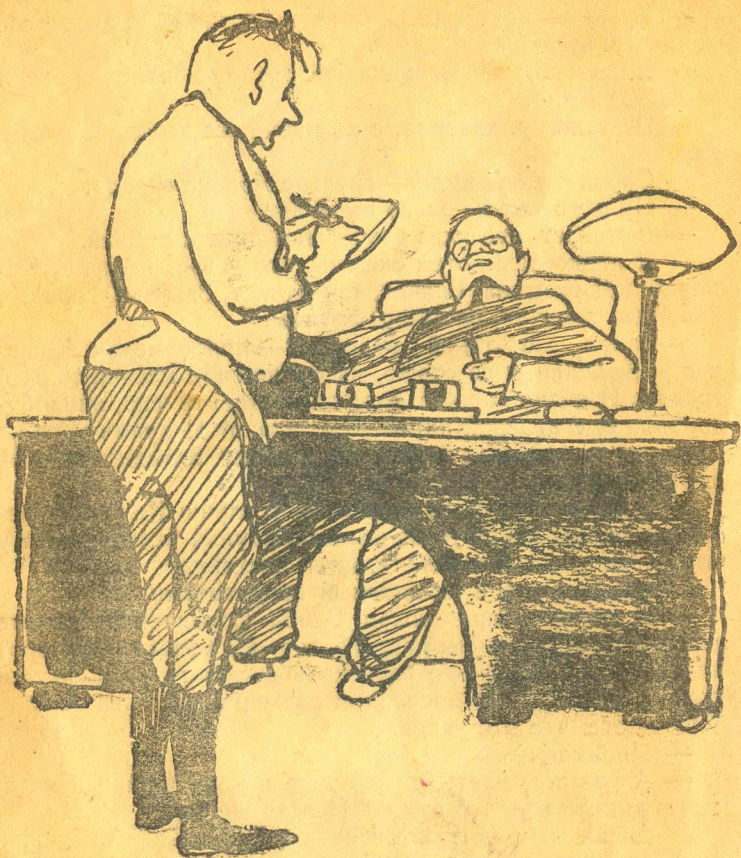
— А раз понимаете, то пойдите в комиссионный магазин и купите всё, что нужно. Нельзя же так.

— Дорого очень в комиссионном, Семён Семёнович. Ведь у нас определённый бюджет.

— Я лучше вашего знаю про бюджет. Мы не воры, не растратчики и себе домой эту лососину в рукаве не таска-

Семён - 6-й - 60

ем. Но зачем нам приbedняться? Наши предприятия убытков не приносят. И если мы устраиваем товарищеский ужин, то пусть будет ужин настоящий. Надо нанять джаз, пригласить артистов, а не эту тамбовскую капеллу, как она там называется...

— Ансамбль лиристов, — хрипло сказал завхоз.

— Да, да, не надо больше этих балалаечников. Пригласите хорошего певца, пусть нам споёт что-нибудь. «Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни».

— Так ведь такой артист, — со слезами в голосе сказал Кошачий, — с нас три шкуры снимет.

— Ну, какой вы, честное слово, человек! С вас он снимет эти три шкуры? И потом не три, а две. И для нашего миллионного бюджета это не играет никакой роли.

— Такси для артиста придётся нанимать, — тоскливо прошептал завхоз.

Семён Семёнович внимательно посмотрел на собеседника и проникновенно сказал:

— Простите меня, товарищ Кошачий, но вы просто сквалыжник. Самый обыкновенный скупердяй. Такой, извините меня, обобщённый тип даже описан в литературе. Вы Плюшкин! Гарпагон! Да, да, и, пожалуйста, не возражайте. У вас тяжёлая привычка всегда возражать. Вы Плюшкин, и всё! Вот и мой заместитель жаловался на вашу бессмысленную, мещанскую скупость. Вы до сих пор не можете купить для его кабинета порядочной мебели.

— У него хорошая мебель, — мрачно сказал Кошачий. — Всё, что надо для работы: стульев шведских — шесть, столов письменных — один, ещё один стол — малый, графин, бронзовая пепельница с собакой, красивый новый клеёнчатый диван.

— Клеёнчатый! — застонал Семён Семёнович. — Завтра же купите ему кожаную мебель. Слышите? Пойдите в комиссионный.

— Кожанный, Семён Семёнович, pigнадцать тысяч стоит.

— Опять эти деньги. Просто противно слушать. Что мы, нищие? Надо жить широко, товарищ Кошачий, надо, товарищ Кошачий, иметь социалистический размах. Поняли?

Завхоз спрятал в карман рулетку, которую вертел в руках, и, шурша кожаными лeями, вышел из кабинета.

* * *

Вечером, сидя за чаем, Семён Семёнович со скучающим видом слушал жену, которая что-то записывала на бумажке и радостно говорила:

— Будет очень хорошо и дешёво. Четыре бутылки вина, литр водки, две коробочки анчоусов, триста граммов лососины и ветчина. Потом я сделаю весенний салат со свежими огурцами, сварю кило сосисок.

— Здравствуйте!

— Ты, кажется, что-то сказал?

— Я сказал: здравствуйте.

— Тебе что-нибудь не нравится? — забеспокоилась жена.

— Да, кое-что, — сухо ответил Семён Семёнович. — Мне, например, не нравится, что каждый огурец стоит один рубль пятнадцать копеек.

— Но ведь на весь салат пойдёт два огурчика.

— Да, да, огурчики, лососина, анчоусы. Ты знаешь, во сколько всё это станет?

— Я тебя не понимаю, Семён. Мои именины, придут гости, мы уже два года ничего не устраивали, а сами постоянно у всех бываем, просто неудобно.

— Почему неудобно?

— Неудобно, потому что невежливо.

— Ну, ладно, — сказал Семён Семёнович томно. — Дай сюда список. Так вот, всё это мы вычёркиваем. Остаётся...

собственно, ничего не остаётся. А купи ты, Катя, вот что. Купи ты, Катя, бутылку водки и сто пятьдесят граммов сельдей. И всё.

— Нет, Семён, так невозможно.

— Вполне возможно. Каждый тебе скажет, что селед-ка — это классическая закуска. Даже в литературе об этом где-то есть, я читал.

— Семён, это будет скандал.

— Хорошо, хорошо, в таком случае приобрести ещё ко-робку шпротов. Только не бери ленинградских шпротов, а требуй тульских. Они хотя и дешевле, но значительно питательнее.

— Можно подумать, что мы нищие! — закричала жена.

— Мы должны строить свою жизнь на основах стро-жайшей экономики и рационального использования каж-дой копейки, — степенно ответил Семён Семёнович.

— Ты получаешь тысячу рублей в месяц. К чему нам прибедняться?

— Катя, я не вор и не растратчик и не обязан кормить на свои трудовые деньги банду жадных знакомых.

— Тьфу!

— Я оставляю твой выпад без внимания. У меня есть бюджет, и я не имею права выходить за его рамки. Пони-маешь, не имею права!

— И в кого он такой сквалыга уродился? — сказала же-на, обращаясь к стене.

— Ругай меня, ругай, — сказал Семён Семёнович, — но предупреждаю, что финансовую дисциплину я буду про-водить неуклонно, что бы ты там ни говорила.

— Говорила и буду говорить! — закричала жена. — Ко-ля уже месяц ходит в рваных ботинках.

— При чём тут Коля?

— При том тут Коля, что он наш сын.

— Ладно, ладно, не кричи. Купим этому пирату ботин-

ки. С течением времени. Ну, что там ещё надо? Говори уже скорее. Может быть, рояль надо купить, арфу?

— Арфу не надо, а табуретку на кухню надо.

— Табуретку! — завизжал Семён Семёнович. — Зачем табуретку? Чего уж там! Купим для кухни сразу кожаную мебель! Всего только пятнадцать тысяч. Нет, Катенька, я наведу в доме порядок.

И он долго ещё объяснял жене, что пора уже покончить с бессмысленными тратами, пирами и тому подобным безудержным разбрасыванием и разбазариванием социалистической копейки.

Спал он спокойно.

КАК СОЗДАВАЛСЯ РОБИНЗОН

В РЕДАКЦИИ иллюстрированного двухдекадника «Приключенческое дело» ощущалась нехватка художественных произведений, способных приковать внимание молодёжного читателя. Были кое-какие произведения, но всё — не то. Слишком много было в них слянявой серьёзности. Сказать правду, они омрачали душу молодёжного читателя, не приковывали. А редактору хотелось именно приковать.

В конце концов решили заказать роман с продолжением.

Редакционный скороход помчался с повесткой к писателю Молдаванцеву, и уже на другой день Молдаванцев сидел на купеческом диване в кабинете редактора.

— Вы понимаете, — втолковывал редактор, — это должно быть занимательно, свежо, полно интересных приключений. В общем это должен быть советский Робинзон Крузо. Так, чтобы читатель не мог оторваться.

— Робинзон — это можно, — кратко сказал писатель.

— Только не просто Робинзон, а советский Робинзон.

— Какой же ещё! Не румынский!

Писатель был неразговорчив. Сразу было видно, что это человек дела.

И, действительно, роман поспел к условленному сроку.

Молдаванцев не слишком отклонился от великого подлинника. Робинзон — так Робинзон.

Советский юноша терпит кораблекрушение. Волна выносит его на необитаемый остров. Он один, беззащитный, перед лицом могучей природы. Его окружают опасности: звери, лианы, предстоящий дождливый период. Но советский Робинзон, полный энергии, преодолевает все препятствия, казавшиеся непреодолимыми. И через три года советская экспедиция находит его, находит в расцвете сил. Он победил природу, выстроил домик, окружил его зеленым кольцом огородов, развел кроликов, сшил себе толстовку из обезьяньих хвостов и научил попугая будить себя по утрам словами: «Внимание! Сбросьте одеяло, сбросьте одеяло! Начинаем утреннюю гимнастику!»

— Очень хорошо, — сказал редактор, — а про кроликов просто великолепно. Вполне своевременно. Но, вы знаете, мне не совсем ясна основная мысль произведения.

— Борьба человека с природой, — с обычной краткостью сообщил Молдаванцев.

— Да, но нет ничего советского. Не чувствуется советской общественности. Где, например, местком? Руководящая роль профсоюза?

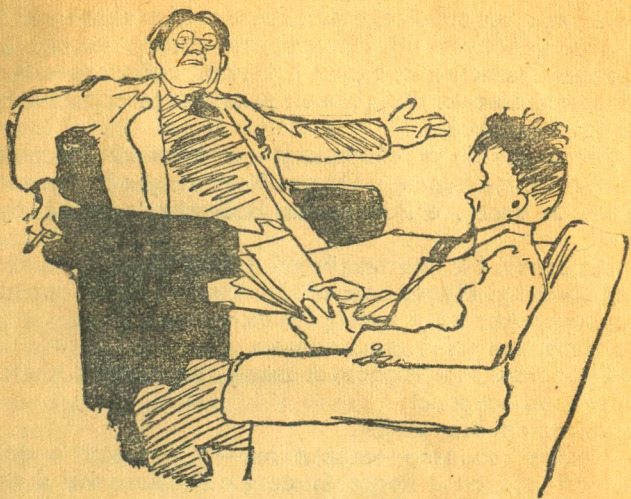
Молдаванцев вдруг заволновался. Как только он почувствовал, что роман могут не взять, неразговорчивость его мигом исчезла, он стал красноречив:

— Откуда же местком? Ведь остров необитаемый?

— Да, совершенно верно, необитаемый. Но местком должен быть. Я не художник слова, но на вашем месте я бы ввёл. Как советский элемент.

— Но ведь весь сюжет построен на том, что остров необита...

Тут Молдаванцев случайно посмотрел в глаза редактора и запнулся. Глаза были такие весенние, такая там чув-

становалась мартовская пустота и синева, что он решил пойти на компромисс.

— А ведь вы правы,— сказал он, подымая палец.— Конечно. Как это я сразу не сообразил? Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома.

— И ещё два освобождённых члена,— холодно сказал редактор.

— Ой! — пискнул Молдаванцев.

— Ничего не «ой». Два освобождённых, ну и одна активистка, сборщица членских взносов.

— Зачем же ещё сборщица? У кого она будет собирать членские взносы?

— А у Робинзона.

— У Робинзона может собирать взносы председатель. Ничего ему не сделается.

— Вот тут вы ошибаетесь, товарищ Молдаванцев. Это абсолютно недопустимо. Председатель месткома не должен размениваться на мелочи и бегать собирать взносы. Мы боремся с этим. Он должен заниматься серьёзной руководящей работой.

— Тогда можно и сборщицу, — покорился Молдаванцев. — Это даже хорошо. Она выйдет замуж за председателя или за того же Робинзона. Всё-таки веселей будет читать.

— Не стоит. Не скатывайтесь в бульварщину, в нездоровую эротику. Пусть она себе собирает свои членские взносы и хранит их в несгораемом шкафу.

Молдаванцев заёрзал на диване.

— Позвольте, несгораемый шкаф не может быть на необитаемом острове!

Редактор призадумался.

— Стойте, стойте, — сказал он, — у вас там в первой главе есть чудесное место. Вместе с Робинзоном и членами месткома волна выбрасывает на берег разные вещи...

— Топор, карабин, буссоль, бочку рома и бутылку с противоцинготным средством, — торжественно перечислил писатель.

— Ром вычеркните, — быстро сказал редактор, — и потом, что это за бутылка с противоцинготным средством? Кому это нужно? Лучше бутылку чернил! И обязательно несгораемый шкаф.

— Дался вам этот шкаф! Членские взносы можно отлично хранить в дупле баобаба. Кто их там украдет?

— Как кто? А Робинзон? А председатель месткома? А освобождённые члены? А лавочная комиссия?

— Разве она тоже спаслась? — трусливо спросил Молдаванцев.

— Спаслась.

Наступило молчание.

— Может быть, и стол для заседаний выбросит волна?! — ехидно спросил автор.

— Не-пре-мен-но! Надо же создать людям условия для работы. Ну, там графин с водой, колокольчик, скатерть. Скатерть пусть волна выбросит какую угодно. Можно красную, можно зелёную. Я не стесняю художественного творчества. Но вот, голубчик, что нужно сделать в первую очередь, — это показать массу. Широкие слои трудящихся!

— Волна не может выбросить массу, — заупрямился Молдаванцев. — Это идёт вразрез с сюжетом. Подумайте! Волна вдруг выбрасывает на берег несколько десятков тысяч человек! Ведь это курам насмех!

— Кстати, небольшое количество здорового, бодрого, жизнерадостного смеха, — вставил редактор, — никогда не помешает.

— Нет! Волна этого не может сделать.

— Почему волна? — удивился вдруг редактор.

— А как же иначе масса попадёт на остров? Ведь остров необитаемый?

— Кто вам сказал, что он необитаемый? Вы меня что-то путаете. Всё ясно. Существует остров, лучше даже полуостров. Так оно спокойнее. И там происходит ряд интересных, свежих, интересных приключений. Ведётся проф-работа, иногда недостаточно ведётся. Активистка вскрывает ряд неполадок, ну, хоть бы в области собирания членских взносов. Ей помогают широкие слои. И раскаявшийся председатель. Подконец можно дать общее собрание. Это получится очень эффектно именно в художественном отношении. Ну, и всё.

— А Робинзон? — пролепетал Молдаванцев.

— Да. Хорошо, что вы мне напомнили. Робинзон меня смущает. Выбросьте его совсем. Нелепая, ничем не оправданная фигура нытика.

— Теперь всё понятно, — сказал Молдаванцев гробовым голосом, — завтра будет готово.

— Ну, всего. Творите. Кстати, у вас в начале романа происходит кораблекрушение. Знаете, не надо кораблекрушения. Пусть будет без кораблекрушения. Так будет занимательней. Правильно? Ну, и хорошо. Будьте здоровы!

Оставшись один, редактор радостно засмеялся.

— Наконец-то, — сказал он, — у меня будет настоящее приключенческое и притом вполне художественное произведение!

БРОНИРОВАННОЕ МЕСТО

РАССКАЗ будет о горьком факте из жизни Посиделкина.

Бедя произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умён.

В общем произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей, — горе от ума. Дело касается поездки по железной дороге.

Конечная цель усилий Посиделкина сводилась вот к чему: 13 сентября покинуть Москву, чтобы через два дня прибыть в Ейск на целительные купанья в Азовском море. Всё устроилось хорошо: путёвка, отпуск, семейные дела. Но вот — железная дорога. До отъезда оставалось только два месяца, а билета ещё не было.

«Пора принимать экстренные меры, — решил Посиделкин. — На городскую станцию я не пойду. И на вокзал я не пойду. Ходить туда нечего, там билета не достанешь. Там, говорят, в кассах торгуют уже не билетами, а желчным порошком и игральными картами. Нет, нет, билет надо доставать иначе».

Это самое «иначе» отняло указанные уже два месяца.

— Если вы меня любите, — говорил Посиделкин каждому своему знакомому, — достаньте мне билет в Ейск. Жёсткое место. Для лежания.

— А для стояния не хотите? — легкомысленно отвечали знакомые.

— Бросьте эти шутки, — огорчился Посиделкин, — человеку надо ехать в Ейск поправляться, а вы... Так не забудьте. На 13 сентября. Наверное же, у вас есть знакомые, которые всё могут. Да нет! Вы не просто обещайте — запишите в книжечку. Если вы меня любите!

Но все эти действия не успокаивали, так сказать, не давали полной гарантии. Посиделкин опасался конкурентов. Во всех прохожих он подозревал будущих пассажиров. И действительно, почти все прохожие как-то нервно поглядывали по сторонам, словно только на минуту отлучились из очереди за железнодорожными билетами.

«Худо, худо, — думал Посиделкин, — надо действовать решительнее. Нужна система».

Целый вечер Посиделкин занимался составлением схемы.

На бумажке были изображены кружочки, квадратики, пунктирные линии, литеры, цифры и фамилии. По схеме можно было проследить жизнь и деятельность по крайней мере сотни людей: кто они такие, где живут, где работают, какой имеют характер, какие слабости, с кем дружат, кого недолюбливают. Против фамилий партийных стояли крестики. Беспартийные были снабжены нуликами. Кроме того значились в документе довольно-таки странные характеристики:

«Брунелевский. Безусловно может».

«Никифоров. Может, но вряд ли захочет».

«Мальцев-Пальцев. Захочет, но вряд ли сможет».

«Бумагин. Не хочет и не может».

«Кошковладельцев. Может, но сволочь».

И всё это сводилось к одному — достать жёсткое место для лежания.

«Где-нибудь да клонет, — мечтал Посиделкин, — глав-

ное — не давать им ни минуты отдыха. Ведь это всё ренегаты, предатели. Обещают, а потом ничего не сделают».

Чем ближе подходил день отъезда, тем отчаяннее становилась деятельность Посиделкина. Она уже начинала угрожать спокойствию города. Люди прятались от него. Но он преследовал их неутомимо. Он гнался за ними на быстроходных лифтах. Он перегрузил ручную и автоматические станции бесчисленными вызовами.

— Можно товарища Мальцева? Да, Пальцева. Да, да. Мальцева-Пальцева. Кто спрашивает? Скажите, Лёля. Товарищ Мальцев?

Здравствуй, товарищ Пальцев. Нет, это не Лёля. Это я, Посиделкин. Товарищ Мальцев, вы же мне обещали! Ну да, в Ейск, для лежання. Почему некогда? Тогда я за вами заеду на такси. Не нужно? А вы действительно меня не обманете? Ну, простите великодушно.

Завидев нужного ему человека, Посиделкин, презирая опасность, бросался в самую гущу уличного движения. Скрежетали автомобильные тормоза, и бледнели шоферы.

— Значит, не забудете, — втолковывал Посиделкин, стоя посреди мостовой. — В Ейск, для лежания. Одно жёсткое.

Когда его отводили в район милиции за нарушение уличных правил, он ухитрился по дороге взять с милиционера клятву, что тот достанет ему билет.

— Вы милиция, вы всё можете, — говорил он жалобно. И фамилия милиционера с соответствующим кружочком и характеристикой («Может, но неустойчив») появлялась в страшной схеме.

За неделю до отъезда к Посиделкину явился совершенно неизвестный гражданин и вручил ему билет в Ейск. Счастью не было предела. Посиделкин обнял гражданина, поцеловал его в губы, но так и не вспомнил лица (стольких людей он просил о билете, что упомянуть их всех было решительно невозможно).

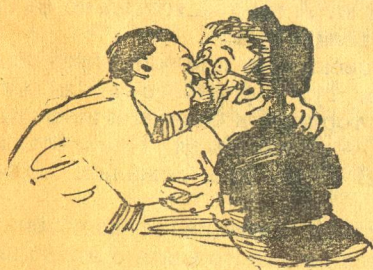
В тот же день прибыл курьер на мотоцикле от Мальцева-Пальцева. Он привёз билет в Ейск. Посиделкин благодарил, но деньги выдал со смущённой душой.

«Придётся один билет продать на вокзале», — решил он. Ах, напрасно, напрасно Посиделкин не верил в человечество!

Схема действовала безотказно, как хорошо смазанный маузер, выпуская обойму за обоймой.

За день до отъезда Посиделкин оказался держателем тридцати восьми билетов (жёстких, для лежання). В уплату за билеты ушли все отпускные деньги и шестьдесят семь копеек бонами на Торгсин.

Какая подлость! Никто не оказался предателем или ре-
негатом!

А билеты всё прибывали. Посиделкин уже прятался, но его находили. Количество билетов возросло до сорока четырёх.

За час до отхода поезда Посиделкин стоял на гранитной паперти вокзала и несмелым голосом нищего без квалификации упрашивал прохожих:

— Купите билетик в Ейск! Целебное место — Ейск! Не пожалеете!

Но покупателей не было. Все отлично знали, что билета на вокзале не купишь и что надо действовать через знакомых. Зато приехали на казённой машине Брунелевский, Бумажин и Кошковладельцев. Они привезли билеты.

Ехать Посиделкину было скучно.

В вагоне он был один.

И, главное, беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее, он был умён. Просто у него были слишком влиятельные знакомые. А чудное правило — продавать билеты в кассе — почему-то было забыто.

«ГЕЛИОТРОП»

НИ В ОДНОМ городе Союза нельзя найти такого количества представительств, как в Москве. Они помещаются в опрятных особняках, за зеркальными стёклами которых мерещатся яичная желтизна шведских столов и зелень абажуров. Особнячки отделены от улицы садиками, где цветёт сирень и хрипло поёт скворец. У подъезда между двумя блестящими от утренней росы львами обычно висит чёрная стеклянная досочка с золотым названием учреждения.

В таком учреждении приятно побывать, но никто туда не ходит. То ли посетителей там не принимают, то ли представительство не ведёт никаких дел и существует лишь для вящего украшения столицы.

Рассказывают, что в Котофеевом переулке издавна помещалось представительство тяжёлой цветочной промышленности «Гелиотроп», занявшее помещение изгнанного из Москвы за плутни представительства общества «Узбекнектар».

Штат «Гелиотропа» состоял из двух человек: уполномоченного по учёту газонов товарища Абукирова и уполномоченного по учёту вазонов товарища Женералова. Они были присланы в «Гелиотроп» из разных городов и приступили к работе, не зная друг друга. Как только то-

варищ Абукиров в первый раз уселся за свой стол, он сразу же убедился в том, что делать ему абсолютно нечего. Он передвигал на столе пресс-папье, поднимал и опускал шторки своего бюро и снова принимался за пресс-папье. Убедившись, наконец, что работа от этого не увеличилась и что впереди предстоят такие же тихие дни, он поднял глаза и ласково посмотрел на Женералова.

То, что он увидел, поразило его сердце страхом. Уполномоченный по учёту вазонов товарищ Женералов с каменным лицом бросал костяшки счетов, иногда записывал что-то на больших листах бумаги.

«Ой,— подумал начальник газонов,— у него тьма работы, а я лодырничая! Как бы не вышло неприятностей!»

И так как товарищ Абукиров был человеком семейным и дорожил своей привольной службой, то он сейчас же схватил счёты и начал отщёлкивать на них несуществующие сотни тысяч и миллионы. При этом он время от времени выводил каракули на узеньком листе бумаги. Конеч дня ему показался не таким тяжёлым, как его начало, и в установленное время он собрал исписанные бумажки в портфель и с облегчённым сердцем покинул «Гелиотроп». И вот всё о нём.

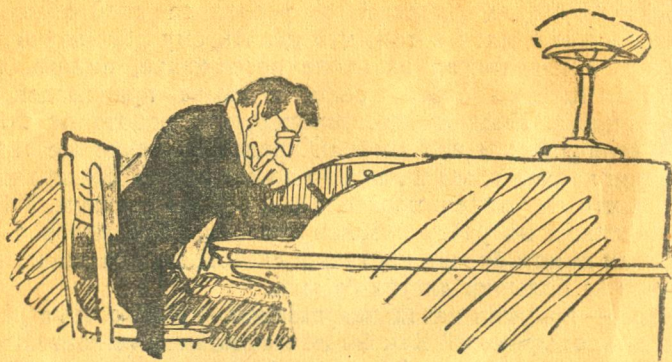
Что же касается начальника вазонов товарища Женералова, то в день поступления на службу он был чрезвычайно удивлён поведением Абукирова. Начальник газонов часто открывал ящики своего стола, и, как видно, усиленно работал.

Женералов, которому решительно нечем было заняться, очень испугался.

«Ой,— подумал он,— у него работы тьма, а я бездельничая! Не миновать неприятностей!»

И хотя Женералов был человеком холостым, но он тоже боялся потерять покойную службу. И поэтому он бросился к счётам и начал отсчитывать на них какую-то

арифметическую чепуху. Боязнь его в первый же день дошла до того, что он решил уйти из «Гелиотропа» позже своего деятельного коллеги.

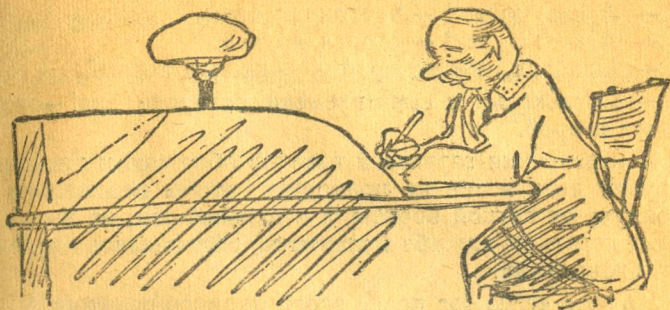
Но на другой день он слегка расстроился. Придя на службу минута в минуту, он уже застал Абукирова. Начальник газонов решил показать своему сослуживцу, что работы с газонами в конце концов гораздо больше, чем с вазонами, и пришёл на службу не в десять, а в девять.

И вот оба они, не осмеливаясь даже обменяться взглядами, просидели весь рабочий день. Они гремели счётами, рисовали зайчиков в блокнотах большого формата и без повода рылись в ящиках, не осмеливаясь уйти один раньше другого.

На этот раз нервы оказались сильнее у Женералова. Томимый голодом и жаждой, Абукиров ушёл из «Гелиотропа» в половине седьмого вечера.

Женералов, радостно взволнованный победой, убежал через минуту.

На третий день дал перевес начальник газонов. Он при-

нёс с собой бутерброды и, напившись ими, свободно и легко просидел до восьми часов. Левой рукой он запихивал в рот колбасу, а правой рисовал обезьяну, притворяясь, что работает. В восемь часов пять минут начальник вазонов не выдержал и, надевая на ходу пальто, кинулся в общественную столовую. Победитель проводил его тихим смешком и сейчас же ушёл.

На четвёртый день оба симулировали до десяти часов вечера. А дальше дело развивалось в предложенном обоими чрезвычайно быстром темпе.

Женералов сидел до полуночи.

Абукиров ушёл в час ночи.

И наступило то время, когда оба они засиделись в «Гелиотропе» до рассвета. Жёлтые, похудевшие, они сидели в табачных тучах и, уткнув трупные лица в липовые бумажонки, трепетали один перед другим.

Наконец, их потухшие глаза случайно встретились. И слабость, овладевшая ими, была настолько велика, что оба они враз признались во всём.

- А я-то дурак! — восклицал один.
- А я-то дурак! — стонал другой.
- Никогда себе не прощу! — кричал первый.
- Сколько мы с вами времени потеряли зря! — жаловался второй.

И начальники газонов и вазонов обнялись и решили на другой день вовсе не приходить, чтобы радикально отдохнуть от глупой борьбы, а в дальнейшем, не кривя душой, играть на службе в шахматы, обмениваясь последними анекдотами.

Но уже через час после этого мудрого решения Абукиров проснулся в своей квартире от ужасной мысли.

«А что, — подумал он, — если Женералов облечён специальными полномочиями на предмет выявления бездельников и вёл со мной адскую игру?»

И, натянув на свои отощавшие в борьбе ножки московские штаны из бумажного бостона, он побежал в «Гелиотроп».

Дворники подметали фиолетовые утренние улицы, молодые собаки рылись в мусорных холмиках. Сердце Абукирова было сжато предчувствием недоброго.

И действительно, между мокрыми львами «Гелиотропа» стоял Женералов со сморщенным от бессонных ночей пиджаком и жалко глядел на подходившего Абукирова, в котором он уже ясно видел лицо, облечённое специальными полномочиями на предмет выявления нерадивых чиновников.

И едва дворник открыл ворота, как они кинулись к своим столам, бессвязно бормоча:

— Тьма работы, срочное требование на вазоны!

— Работы тьма. Новые газоны!

И рассказывают, что эти глупые люди до сих пор про-

должают симулировать за своими жёлтыми шведскими
бюро.

И сильный свет штепсельных ламп озаряет их костя-
ные лица.

СЧАСТЛИВЫЙ ОТЕЦ

ТОВАРИЩ Сундучанский ожидал прибавления семейства. В последние, решающие дни он путался между столами сослуживцев и расслабленным голосом бормотал:

— Мальчик или девочка? Вот что меня интересует. Марья Васильевна! Если будет девочка, как назвать?

Марью Васильевну вопрос о продлении славного рода Сундучанских почти не интересовал.

— Назовите Клотильдой, — хмуро отвечала она, — или как хотите. По общественным делам я принимаю только после занятий.

— А если мальчик? — допытывал Сундучанский.

— Извините, я занята, — говорила Марья Васильевна, — у меня ударное задание.

— Если мальчик, — советовал товарищ Отверстиев, — назовите в мою честь — Колей... И не путайся здесь под ногами, не до тебя. Мне срочно нужно вырешить вопросы тары.

Однажды Сундучанский прибежал на службу, тяжело дыша.

— А если двойня, тогда как назвать? — крикнул он на весь отдел.

Служащие застонали:

— О, чорт! Пристал!
Называй, как хочешь!
Ну, Давид и Голнаф.

— Или Брокгауз и
Ефрон. Отличные име-
на.

Насчёт Брокгауза
сказал Отверстиев. Он
был остряк.— Вы вот
шутите,— сказал Сун-
дучанский жалобно,—
а я отправил жену
в родовспомогательное
заведение.

Надо правду сказать,
никакого впечатления
не вызвало сообщение товарища Сундучанского. Был
последний месяц хозяйственного года, и все были очень
заняты.

Наконец, удивительное событие произошло. Род Сун-
дучанских продлился. Счастливый отец отправился на
службу. Уши его горели на солнце.

«Я войду, как будто бы ничего не случилось,— думал
он,— а когда они набросятся на меня с расспросами, я,
может быть, им кое-что расскажу».

Так он и сделал. Вошёл, как будто бы ничего не слу-
чилось.

— А! Сундучанский!— закричал Отверстиев.— Ну,
как? Готово?

— Готово,— ответил молодой отец, зардевшись.

— Ну, тащи её сюда.

— В том-то и дело, что не её, а его. У меня родился мальчик.

— Опять ты со своим мальчиком! Я про таблицу говорю. Готова таблица? Ведь её нужно в ударном порядке сдать.

И Сундучанский грустно сел за етол дописывать таблицу.

Уходя, он не сдержался и сказал Марье Васильевне:

— Зашли бы всё-таки. На сына взглянули бы. Очень на меня похож. Восемь с половиной фунтов весит, бандит.

— Три с четвертью кило,— машинально прикинула Марья Васильевна.— Вы сегодня на собрании будете? Вопросы шефства...

— Слушай, Отверстиев,— сказал Сундучанский,— мальчик у меня — во! Совсем как человек: живот, ножки. А также уши. Конечно, пока довольно маленькие. Может, зашёл бы? Жена как будет рада!

— Ну, мне пора,— вздохнул Отверстиев.— Мы тут буксир один организуем. Времени, брат, совершенно нет. Кланяйся своей дочурке.

И убежал.

В этот день Сундучанский так никого и не залучил к себе домой полюбоваться на сына.

А время шло. Сын прибавлял в весе, и родители начали даже распускать слух о том, что он якобы сказал «агу», чего с двухнедельным младенцем обычно никогда не бывает.

Но и эта потрясающая новость не вызвала притока сослуживцев в квартиру Сундучанского.

Тогда горемыка-отец решился на крайность. Он пришёл

на службу раньше всех и на доске объявлений вывесил бумажку:

В три часа дня к Сундучанскому подошёл Башмаков и зашептал:

— Слушай, Сундучанский. Я сегодня никак не могу. У меня кружок и потом... жена больна... ей-богу!

— Ничего не поделаешь, — холодно сказал Сундучанский, — все загружены. Я, может, тоже загружен. Нет, брат, в объявлении ясно написано: «Явка обязательна».

С соответствующим опозданием, то есть часов в семь,

члены бригады, запыхавшись, вбежали в квартиру Сундучанского.

— Надо бы поакуратней,— заметил хозяин,— ну, да ладно, садитесь. Сейчас начнём.

И он вкатил в комнату коляску, где, разинув рот, лежал молодой Сундучанский.

— Вот,— сказал Сундучанский-отец,— можете смотреть.

— А как регламент?— спросила Шакальская.— Сначала смотреть, а потом задавать вопросы? Или можно сначала вопросы?

— Можно вопросы,— сказал отец, подавляя буйную радость.

— Не скажет ли нам докладчик,— спросил Отверстиев привычным голосом,— каковы качественные показатели этого объекта...

— Можно слово к порядку ведения собрания?— перебила как всегда активная Шакальская.

— Не замечается ли в ребёнке недопотолстения, то есть недоприбавления в весе?— застенчиво спросил Башмаков.

И машинка завертелась.

Счастливым отец не успевал отвечать на вопросы.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ИКС

О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ судьбы лучше всех на свете знал Виталий Капитулов.

Несмотря на молодые сравнительно годы Виталий был лысоват. Уже в этом он замечал какое-то несправедливое к себе отношение.

— У нас всегда так,— говорил он, горько усмехаясь.— Не умеют у нас беречь людей. Довели культурную единицу до лысины. Живи я спокойно, разве ж у меня была бы лысина? Да я же был бы страшно волосатый!

И никто не удивлялся этим словам. Все привыкли к тому, что Виталий вечно жаловался на окружающих.

Утром, встав с постели после крепкого десятичасового сна, Виталий говорил жене:

— Удивительно, как это у нас не умеют ценить людей, просто не умеют бережно относиться к человеку. Не умеют и не хотят!

— Ладно, ладно,— отвечала жена.

— И ты такая же, как все. Не даёшь мне договорить, развить свою мысль. Вчера Огородниковы до одиннадцати жарили на гармошке и совершенно меня измучили. Ну, конечно, пока жив человек, на него никто внимания не обращает. Вот когда умру, тогда поймут, какого человека потеряли, какую культурную единицу не уберегли!

— Не говори так, Виталий, — вздыхала жена. — Не надо.

— Умру, умру, — настаивал Капитулов. — И тогда те же Огородниковы будут говорить: «Не уберегли мы Капитулова, замучили мы его своей гармошкой, горе нам!» И ты скажешь: «Не уберегла мужа, горе мне!»

Жена плакала и клялась, что убережёт. Но Виталий не верил.

— Люди — звери, — говорил он, — и ты тоже. Вот сейчас ты уже испугалась ответственности и навязываешь мне на шею свой шарф. А вчера, небось, не навязывала, не хотела меня уберечь от простуды. Что ж, люди всегда так. Простужусь и умру. Только и всего. В крематории только поймут, что, собственно говоря, произошло, какую силу в печь опускают. Ну, я пошел!.. Да не плачь, пожалуйста, не расстраивай ты мою нервную систему.

Рассыпая по сторонам сильные удары, Капитулов взбирался на трамвайную площадку первым. Навалившись тяжёлым драповым задом на юную гражданку, успевшую захватить место на скамье, Виталий сухо замечал:

— Какая дикость! Средневековье! И таким вот образом меня терзают каждый день.

Замечание производило обычный эффект: вагон затихал, и все головы поворачивались к Виталию.

— Люди — звери, — продолжал он печально. — Вот так в один прекрасный день выберусь из трамвая и умру. Или даже ещё проще — умру прямо в вагоне. Кто я сейчас для вас, гражданин? Пассажир. Обыкновенный икс, которого можно заставлять часами стоять в переполненном проходе. Не умеют у нас беречь людей, этот живой материал для выполнения пятилетки в четыре и даже в три с половиной года. А вот когда свалюсь здесь, в проходе, бездыханный, тогда, небось, полвагона освободят. Ложитесь, мол, гражданин. Найдётся тогда место. А сейчас приходится стоять из последних сил.

Тут обыкновенно юная гражданка багровела и поспешно вскакивала:

— Садитесь, пожалуйста, на моё место.

— И сяду,— с достоинством отвечал Капитулов.— Спасибо, мой юный друг.

Добившись своего, Капитулов немедленно разворачивал «Известия» и читал похоронные объявления, время от времени крича на весь вагон:

— Вот полюбуйтесь! Ещё один сгорел на работе. «Местком и администрация с глубокой скорбью извещают о преждевременной смерти...» Не уберегли, не доглядели. Теперь объявлениями не поможешь!

Прибыв на место службы и грустно поздоровавшись, Капитулов садился и с глубоким вздохом поднимал што-ру шведского стола.

— Что-то Виталий сегодня бледнее обыкновенного,— шептали служащие друг другу,— ведь его беречь надо.

— В самом деле, у нас такое хамское отношение к людям, что только диву даёшься.

— Вчера мне Виталий жаловался. Столько, говорит, работы навалили, что не надеется долго прожить. Ну, я по человечеству, конечно, пожалел. Взял его работу и сам сделал.

— Как бы не умер в самом деле. А то потом неприятностей не оберёшься. Скажут, не уберегли, не доглядели. Просто ужас.

Капитулов задремал над чистой бухгалтерской книгой.

— Тише,— бормотали сослуживцы.— Не надо его беспокоить. Опять он, наверное, всю ночь не спал, соседи гармошкой замучили. Вчера он жаловался. Действительно, люди — типичные звери.

К концу служебного дня Виталий смотрел на календарь и с иронией говорил:

— У нас всегда так. Где же нам догнать и перегнать

при таком отношении к людям? Не умеют у нас беречь человека. Видите, опять пятнадцатое число. Нужно отрываться от дела, бежать в кассу, стоять в очереди за жалованьем, терять силы. Вот когда умру, тогда поймут, какого человека потеряли, какую культурную единицу не уберегли...

ИНТРИГИ

С ТОВАРИЩЕМ Бабашкиным, освобождённым секретарём месткома, стряслась великая беда.

Десять лет подряд членская масса выбирала Бабашкина освобождённым секретарём месткома, а сейчас, на одиннадцатый год, не выбрала, не захотела.

Чорт его знает, как это случилось! Просто непонятно.

Поначалу всё шло хорошо. Председатель докладывал о деятельности месткома, членская масса ему внимала, сам Бабашкин помещался в президиуме и моргал белыми ресницами. В зале стоял привычный запах эвакупункта, свойственный профсоюзным помещениям. (Такой запах сохранился ещё только в залах ожидания на отсталых станциях, а больше нигде уже нет этого портяночно-карболового аромата.)

Иногда Бабашкин для виду водил карандашом по бумаге, якобы записывая внеочередные мысли, пришедшие ему на ум в связи с речью председателя. Два раза он громко сказал: «Правильно». Первый раз, когда речь коснулась необходимости активной борьбы с недостаточной посещаемостью общих собраний, и второй раз, когда председатель заговорил об усилении работы по внедрению профзнаний. Никто в зале не знал, что такое профзнания, не знал и сам Бабашкин, но ни у кого не хватало

гражданского мужества прямо и откровенно спросить, что означает это слово. В общем всё шло просто чудесно.

На Бабашкине были яловые сапоги с хромовыми головками и военная гимнастёрка. Полувоенную форму он признавал единственно достойной освобождённого члена месткома, хотя никогда не участвовал в войнах.

— А теперь приступим к выборам, — сказал председатель, делая ударение на последнем слого.

Профсоюзный язык — это совершенно особый язык. Профработники говорят: выбора, договора, средства, процент, портфель, квартал, доставка, добыча.

Есть ещё одна особенность у профработника. Начиная свою речь, он обязательно скажет: «Я, товарищи, коротенько», — а потом говорит два часа. И согнать с трибуны его уже невозможно.

Приступили к выборам.

Обычно председатель зачитывал список кандидатов. Бабашкин вставал и говорил, что «имеется предложение голосовать в целом»; членская масса кричала: «Правильно, давай в целом, чего там!»; председатель говорил: «Позвольте считать эти аплодисменты...»; собрание охотно позволяло; все радостно бежали по домам, а для Бабашкина начинался новый трудовой год освобождённого секретарства. Он постоянно заседал, куда-то кооптировался, сам кого-то кооптировал, иногда против него плели интриги другие освобождённые члены, иногда он сам плёл интриги. Это была чудная, кипучая жизнь.

А тут вдруг начался кавардак.

Прежде всего собрание отказалось голосовать список в целом.

— Как же вы отказываетесь, — сказал Бабашкин, демагогически усмехаясь, — когда имеется предложение. Тем более, что по отдельности голосовать надо два часа, а в целом — пять минут и можно идти домой.

Однако членская масса с каким-то ребяческим упрямством настояла на своём.

Бабашкину было ужасно неудобно голосоваться отдельно. Он чувствовал себя, как голый. А тут ещё какая-то молодая член союза позволила себе резкий, наглый, безответственный выпад, заявив, что Бабашкин недостаточно проводил работу среди женщин и проявлял нечуткое отношение к разным вопросам.

Дальше начался кошмарный сон.

Бабашкина поставили на голосование и не выбрали.

Ещё некоторое время ему представлялось, что всё это не всерьёз, что сейчас встанет председатель и скажет, что он пошутил, и собрание с приветливой улыбкой снова изберёт Бабашкина в освобождённые секретари...

Но этого не произошло.

Жена была настолько уверена в непреложном ходе событий, что даже не спросила Бабашкина о результатах голосования. И вообще в семье Бабашкиных слова «выборы», «голосование», «кандидатура», хотя и часто произносились, но никогда не употреблялись в их прямом смысле, а служили как бы добавлением к портфелю и кварталу.

Утром Бабашкин побежал в областной профсоюз жаловаться на интриги, он ходил по коридорам, всех останавливал и говорил: «Меня не выбрали», — говорил таким тоном, каким обычно говорят: «Меня обокрали». Но никто его не слушал. Члены совета сами ждали выборов и со страхом гадали о том, какой процент из них уцелеет на своих постах. Председатель тоже был в ужасном настроении, громко, невпопад говорил о демократии и при этом быстро и нервно чесал спину металлической бухгалтерской линейкой.

Бабашкин ушёл шатаясь.

Дома состоялся серьёзный разговор с женой.

— Кто же будет тебе выплачивать жалованье?— спросила она с присущей женщинам быстротой соображения.

— Придётся переходить на другую работу,— ответил Бабашкин.— Опыт у меня большой, стаж у меня тоже большой, меня всюду возьмут в освобождённые члены.

— Как же возьмут, когда надо, чтобы выбрали?

— Ничего, с моей профессией я не пропаду.

— С какой профессией?

— Что ты глупости говоришь! Я профработник. Старый профработник. Ей-богу, даже смешно слушать.

Жена некоторое время внимательно смотрела на Бабашкина и потом сказала:

— Твоё счастье, что я умею печатать на машинке.

Это была умная женщина.

Вечером она прибежала домой, взволнованная и счастливая.

— Ну, Митя,— сказала она,— я всё устроила. Только что я говорила с соседским управдомом, как раз им нужен дворник. И хорошие условия. Семьдесят пять рублей в месяц, новые метлы,

и две пары рукавиц в год. Пойдёшь туда завтра наниматься. А сегодня вечером Герасим тебя выучит подметать. Я уже с ним сговорила за три рубля.

Бабашкин молча сидел, глядя на полку, где стояло толстое синее с золотом собрание сочинений Маркса, которое он в суматохе профсоюзной жизни так и не успел раскрыть, и бормотал:

— Это интриги! Факт! Я этого так не оставлю.

ВЕСЕЛЯЩАЯСЯ ЕДИНИЦА

ВЕРНЕМСЯ к лету.

Было такое нежное время в текущем бюджетном году. Был такой волшебный квартал — июнь, июль, август, когда косили траву на московских бульварах, летал перинный тополевыи пух и в чистом вечернем небе резвились наперегонки ласточки.

И, ах, как плохо был проведён этот поэтический отрезок времени!

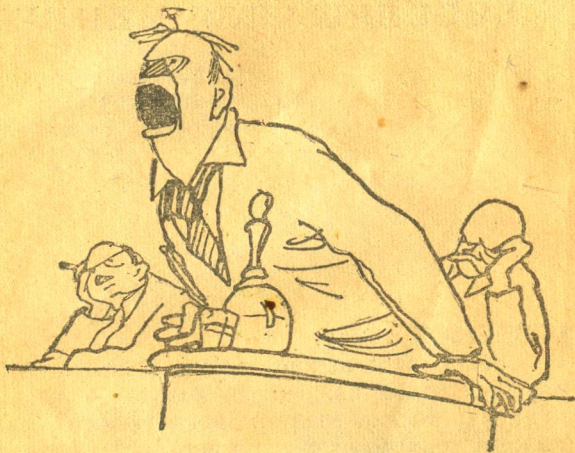
В одном из парков, где деревья бросали пышную тень на трескучий песок аллеи, целое лето висел большой плакат:

Все на борьбу за здоровое гулянье

Но никто здесь не гулял. Деревья празднично бросали свою тень, и ничья пролетарская пятка не отпечаталась на отборном аллеином песке.

Здесь не гуляли. Здесь только боролись. Боролись за здоровое гулянье.

Борьба за этот весьма полезный и, очевидно, ещё недостаточно освоенный вид отдыха происходила так. С утра идеологи отдыхательного дела залезали в фанерный павильон и, плотно закрыв окна, до самого вечера обсуждали, каким образом следует гулять. Курили при этом, конечно, немислимо много. И если на лужайке появлялась робкая фигура гуляющего, его тотчас же кооптировали в президиум собрания как представителя от фланирующих масс.

И с тех пор он уже не гулял. Он включался в борьбу.

По поводу здорового гулянья велись болезненно-страстные дебаты.

— Товарищи, давно уже пора дать отпор вредным и чуждым теориям о том, что гулять можно просто так, вообще. Надо, наконец, осмыслить этот гулягательно-созидательный процесс, который некоторыми вульгаризаторами опошляется названием прогулки. Просто так, вообще,

гуляют коровы (смех), собаки (громкий смех), кошки (смех всего зала). Мы должны, мы обязаны дать нагрузку каждой человеко-гуляющей единице. И эта единица должна, товарищи, не гулять, а, товарищи, должна проводить огромную прогулочную работу. (Голос с места: «Правильно!») Кое-какие попытки в этом направлении имеются. Вот проект товарища Горилло. Что предлагает товарищ Горилло? Товарищ Горилло предлагает навесить на спину каждого человеко-гуляющего художественно выполненный плакат на какую-нибудь актуальную тему — другдितёвскую или госстраховскую. Например: «Пока ты здесь гуляешь, у тебя, может быть, горит квартира. Скорей застрахуй своё движимое имущество в Госстрахе!» И прочее. Но, товарищи, сделать так, чтобы человеко-единицы ни на минуту не упускали из виду плакатов и чтобы действие таковых было, так сказать, непрерывным и стопроцентным, этого товарищ Горилло не учёл, слонато он и не заметил (смех). А это можно сделать. Нужно добиться, чтобы гуляющие шли гуськом, в затылок друг к другу, тогда обязательно перед глазами будет какой-нибудь плакат. В таком здоровом отдыхе можно провести часа два-три. (Голос с места: «Не много ли?») Да, товарищи, два-три часа. А если нужно, то и четыре, и пять, товарищи. Ну-с, после короткого, пятиминутного полит-перерыва устраивается весёлая массовая игра под названием «Утиль-Уленшпигель». Всем единице-гуляющим выдаются художественно выполненные мусорные ящички и портативные крючья. Под гармошку затейника все ходят по парку, смотрят себе под ноги, и чуть кто заметит на земле тряпочку, старую калошу или бутылку из-под водки, то сейчас же хватает этот полезный предмет крючком и кладёт в художественно выполненный мусорный ящичек. При этом он выкрикивает начало злободневного лозунга, а остальные хором подхватывают окончание.

Кроме того счастливчик получает право участия в танцевальной игре «Узники капитала». (Голос с места: «А если играющие не будут смотреть под ноги, тогда что?») Не волнуйтесь, товарищ! (смех). Они будут смотреть под ноги. По правилам игры, каждому участвующему навешивается на шею небольшая агитгирька, двадцать кило весу. Таким образом, воленс-неволенс он будет смотреть под ноги, и игра, так сказать, не потеряет здоровой увлекательности. Таков суммарно, в общих чертах план товарища Горилло.

— А вот мне, товарищи, хотелось бы сказать два слова насчёт плана товарища Горилло. Не слишком ли беспределно такого рода гулянье? Нет ли тут голого смехачества, развлеченчества и веселенчества? Нужно серьёзней, товарищи. Для пожилого рабочего, которого мы хотим вовлечь в парк, это всё слишком легкомысленно. Ему после работы хочется чего-нибудь более. Его прогулочные отправления должны происходить в трудовой атмосфере. Он, товарищи, вырос вширь и вглубь. Мы должны создать ему родную производственную обстановку. Вот, например, прекрасный летний аттракцион. Надо в нашем парке вырыть шахту глубиной в тридцать метров и спустить туда в бадье отдыхающего пожилого рабочего. И представляете себе его радость: на дне шахты он находит подземный политпрофилакторий, где всегда может получить нужные сведения по вопросам профчленства и дифпая. Тут вносят поправку, что хорошо бы там, в шахте, продавать нарзан. Я против, товарищи. Это вкорне неверно, это отвлечёт пожилую единицу от работы в профилактории. Лучше уж вместо нарзана продавать нашу брошюру «Доведём до общего сознания вопросы здорового гулянья».

И вот что получилось. Государство отвело чудную рошу, ассигновало деньги и сказала: «Гуляйте! Дышите воз-

духом! Веселитесь!» И вместо того чтобы всё это проделать (гулять, дышать, веселиться!), стали мучительно думать: как гулять? С кем гулять? По какому способу дышать воздухом? По какому методу веселиться?

Ужасно скучное заварили дело. Так вдруг стало панически, что самый воздух, так сказать, эфир и зефир, не лезет в рот гуляющим единицам.

Могут не поверить тому, что здесь было рассказано, могут посчитать это безумным враньём, потребовать подкрепления фактами, может быть, даже попросят предъявить живого товарища Гориллу с его сверхъестественным планом культурного отдыха.

Между тем всё это чрезвычайно близко к истине. Во многих парках можно найти следы титанической борьбы за здоровое гулянье при блистательном отсутствии самого гулянья.

Не хочется умалять заслуги огромного штата работников того или иного парка, который, несомненно, безостановочно стремится к созданию подлинного «Магнитостроя» отдыха, но надо сказать прямо, что в парке господствуют второй сорт культуры и второй сорт отдыха.

А что касается развлечений, то тут дело уже не в сорте. Их нет, этих развлечений.

— Как нет? — заголосит весь огромный штат. — А наш родимый спиральный спуск, краса и гордость увеселительского сектора? Чего вам ещё надо! А популярное перекидное колесо? А... а...

Но вслед за этим «а» не последует никакого «б», потому что больше ничего нет. В лучшем и самом большом парке нашей страны, куда приходят сотни тысяч людей, есть два аттракциона: ярмарочное перекидное колесо и сенсация XIX века — спиральный спуск. Впрочем, если хорошо разобраться, то не очень он уж спиральный и вовсе не какой-нибудь особенный спуск.

В сооружении его сказалась та робость, которая так свойственна парковым затеям. Спираль спуска сделаны такими отлогими, что вместо милой юношескому сердцу головкружительной поездки на коврике (в XIX веке это называлось сильными ощущениями), веселящаяся единица, кряхтя и отпихиваясь от бортов ногами, ползёт вниз и прибывает к старту вся в поту. И только крупный разговор с начальником спуска даёт те сильные ощущения, которые должен был принести самый спуск.

Аттракционов в парке меньше, чем было в год его открытия. Куда, кстати, девалась «чортова комната»? То есть не чортова (чорта нет, администрация парка это учла сразу, — раз бога нет, то и чорта нет), а «таинственная комната»? Комната была не ахти-какая, она не являлась пределом человеческой изобретательности. Но всё же оттуда неслись смех и бодрый визг посетителей. Она всем нравилась. А её уничтожили.

Почему же уничтожили эту чортову, то есть, извините, «таинственную комнату»?

Воображению рисуются страшные подробности.

Надо полагать, что смущение, внесённое этим аттракционом в сердца работников отдыhательного дела, было велико:

— Что это за комната такая? Стены вертятся, люди смеются, чорт знает что! Абсолютно бесхребётный, беспринципный аттракцион. Надо этой комнате дать смысловую нагрузку.

Дали.

Как у нас даётся смысловая нагрузка? Повесили на стены плакаты — и всё. Но тут выяснилось новое обстоятельство. Смысловая нагрузка не доходит. А не доходит потому, что стены всё-таки вертятся и нельзя прочесть плакаты.

— Надо, товарищи, остановить стены. Ничего не поделаешь!

— Но тогда не будет аттракциона!

— Почему же не будет? Будет чудный, вполне советский аттракцион. Человеко-гуляющий платит десять копеек и получает право просидеть в комнате пять минут, читая плакаты и расширяя таким образом свой кругозор.

— Но ведь тут не будет ничего таинственного и вообще завлекательного!

— И не надо ничего таинственного. И аттракцион надо назвать не вульгарно, вроде «комнаты чудес», а по-простому, по-нашему — «комната № 1». Очень заманчивое название. Увидите, как будет хорошо. Сразу исчезнет этот дурацкий, ничем не нагруженный смех.

Было это так или несколько иначе, — неважно. Главное было достигнуто. «Таинственная комната» исчезла, а вместе с ней исчезло и процентов сорок того смеха, который слышался в парке.

Парковая администрация отыгрывается на всевозможных надписях, таблицах, диаграммах, призывах и аншлагах. Но вызывают большое сомнение эти картонные и фанерные методы работы. Особенно когда натыкаешься на огромную стеклянную заповедь, утверждённую в центре парка:

ПРЕВРАТИМ ПАРК В КУЗНИЦУ ВЫПОЛНЕНИЯ
РЕШЕНИЙ СЪЕЗДА ПРОФСОЮЗОВ!

Превратим парк в кузницу!

Что может быть печальней такой перспективы! Как это нелучезарно! Какое надо иметь превратное понятие об отдыхе, чтобы воображать его себе в виде кузницы! Хотя бы даже кузницы выполнения решений.

С. Г. Рогов. 62
3. XI 52